

СПАРТОК И ПЕРВЫЕ СПАРТОКИДЫ НА БОСПОРЕ

Согласно сообщению Диодора, около 438 года до н. э. власть на Боспоре перешла в руки некоего Спартока. Кем был этот Спарток по происхождению и каким образом оказался у власти, источники не дают прямого ответа. Сам текст заметки Диодора об этом событии (XII.31.1: "при архонте в Афинах Геодоре... в Азии, царствовавшие над Киммерийским Боспором, так называемые Археанактиды, правили 42 года. Власть принял Спарток и правил 7 лет") позволяет с наибольшей степенью вероятности рассматривать его как политический переворот. В пользу этого свидетельствуют наследование власти Спартоком не непосредственно кому-то из Археанактидов, а всем им¹, негреческое (фракийское) имя основателя новой династии² и сведения об изгнанниках с Боспора, обосновавшихся, по-видимому, в Феодосии (Isocr. XVII.5; Apon. Per. 77). Первые два

¹ А. Н. Васильев считает, что в приведенном пассаже Диодора нет противопоставления Спартока и Археанактидов, поскольку последние могли представлять собой род тиранов Автор, по-видимому, допускает, что Спарток, названный без отчества, мог принадлежать к этому роду. См.: *Васильев А. Н. Проблемы политической истории Боспора в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 7. Однако, во-первых, и преемник Спартока Селевк назван у Диодора без отчества, но при этом оговаривается, что он наследовал власть именно Спартока, а не Археанактидов. Во-вторых, Диодор (или его источник) употребляет одинаковую форму зориста глагола "архо", говоря о количестве лет правления и Археанактидов, и Спартока. А поскольку в следующем пассаже о Спартоке (XII.36.1) он прямо указывает, употребляя причастие от того же глагола, что Спарток умер, процарствовав 7 лет, можно не сомневаться, что последний не принадлежал к династии Археанактидов и их правление действительно закончилось в 438/7 г. до н. э.*

² Попытки доказать иное происхождение имени Спарток вполне убедительно опровергнуты в монографии Ф. В. Шелова-Ковядяева. Опубликованное позднее предположение о скифском происхождении данного имени не выглядит убедительным, так как никак не объясняет сходства основных имен Спартокидов с именами фракийской царской династии одрисов. См.: *Десятчиков Ю. М. К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. 1985. № 182. С. 17. Попытка В. П. Яйленко обосновать фрако-иранское происхождение Спартокидов со ссылкой на соправительство, принятое у них, также не бесспорна. Ср.: *Васильев А. Н. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М., Л., 1986. С. 33. К тому же все основные доказательства системы соправительства целиком основаны на реконструкциях несохранившихся частей надписей, что также не дает полной уверенности в правильности рассуждений автора. См.: *Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 286 сл. Учитывая смешанное, полуварварское происхождение большинства представителей ионийской аристократии (Her. 1.92, 1.70; Theopompus F11G.115.F 72; Konon. XLIV. Pofuacnus. VI.50; Aelian. Var. Hist. III.26), можно думать, что фракийское происхождение Спартока не могло вызвать резко отрицательного отношения к нему представителей боспорской аристократии.***

аргумента становятся действительными только в совокупности с третьим по следующим соображениям.

Изгнанники с Боспора упоминаются впервые в Трапезитской речи Исократ в связи с якобы готовящейся попыткой государственного переворота со стороны одного из ближайших помощников тогдашнего боспорского правителя Сатира — Сопея. Этот последний "начальствовал над большой областью и имел попечение о всей власти Сатира" (Isocr. XVI.3)³. Тем не менее, готовясь к перевороту, он через посредство своего сына, находящегося в Афинах, ищет себе союзников в лице неизвестных нам ближе изгнанников. Обращение к ним, независимо от того, было ли обвинение против Солеида ложью или истиной, имело смысл в том случае, если эти изгнанники действительно были противниками именно Спартокидов и при этом не отказались от борьбы с ними, располагая для этого определенными силами и возможностями. В роли таковых реальнее всего могли бы выглядеть представители свергнутого рода, хотя, конечно, не только они одни.

Однако для нас важнее другое. Ни Исократ, ни его слушатели, ни даже обвиняемый в государственной измене сын Сопея ничуть не отрицали возможности заговора против Сатира в принципе! А это дает основание думать, что люди, подобные Сопею, имевшие доступ к управлению государством и располагавшие достаточными материальными и иными ресурсами, могли претендовать (и в действительности претендовали) в то время на пост главы государства на Боспоре. Этому могли способствовать, кстати, и их родственные связи с правящей династией. Тот же Исократ сообщает, что Сатир женил своего сына на дочери Сопея (XVII.11). Любопытно, что и в рассказе Исократ, и в сообщении Диодора о Спартоке I претендент на власть, судя по имени, явно был эллинизированным варваром⁴. Вероятно, именно фактор варварского происхождения играл определенную (и немалую) роль в борьбе за власть на Боспоре в то время.

Все отмеченные наблюдения (в сочетании с тем, что изменения в государственном устройстве в древности происходили всегда очень медленно, особенно если не было достаточно сильного внешнего воздействия), позволяют сделать вывод, что Спарток I, вероятнее всего, занимал в государстве Археанактидов пост, аналогичный посту Сопея в державе Сатира, что и позволило ему совершить государственный переворот в свою пользу. Хочется особенно подчеркнуть, что Спарток, вероятнее всего, действовал по собственной инициативе и опирался прежде всего на наемное войско Археанактидов, находившееся если не в полном, то, по крайней мере, в его оперативном подчинении⁵.

³ Перевод этого места В. В. Латышевым: "имел попечение о всех владениях Сатира" — не совсем точен. Более правильным представляется понимать слово "динамис" как власть, могущество, войско. См.: Greek-English Lexicon / Compiled by Liddel H. G and Scott R. Oxford, 1883 s.v.

⁴ Жебелев С. А. Боспорские этюды // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 17; Gaydukevich V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971. S. 80.

⁵ Думать так позволяет значение слова "динамис" в характеристике роли Сопея.

Некоторые сведения о возможном характере переворота дает прекращение чеканки монет с легендой "АПОА"⁶. Учитывая их датировку второй—третьей четвертями V века до н. э.⁷, этот факт можно воспринимать как антиархеанактидовский акт Спартока⁸. А связано это (как и сам переворот Спартока) могло быть и с тем, что идея амфикинии (от имени которой чеканились эти монеты) как формы объединения городов Боспора Киммерийского вокруг Пантикапея, дающей в перспективе возможность мирного освоения близлежащей территории, так и не стала привлекательной для наиболее крупных городов региона. Традиционные для эллинов тенденции к автономии и автаркии в данном случае оказались сильнее. Достаточно весомым аргументом в пользу данного предположения может быть и строительство во второй половине V века до н. э. в Нимфее собственного храма, остатки которого недавно обнаружены при раскопках этого города⁹. Строительство этого храма в то время, когда Археанактиды стремились объединить в рамках амфикинии вокруг храма Аполлона в Пантикапее все, или, по крайней мере, ближайшие полисы по побережью Боспора Киммерийского, выглядело явной демонстрацией нежелания полисов, не вошедших в состав раннебоспорского объединения, кооперироваться с Археанактидами в какой бы то ни было форме.

Неспособность или нежелание Археанактидов перестраивать свою политику в такой ситуации могли стать основанием для недовольства у населения городов уже существующей боспорской амфикинией. За 42 года их правления население городов должно было увеличиться в количестве достаточном для возникновения проблемы стенохории даже за счет только естественного прироста. И появление новых сельских поселений в течение V в. до н. э. по обоим берегам пролива подтверждает это, как, впрочем, и то, что в основании этих поселений могли принимать участие и вновь прибывшие на Боспор переселенцы. Главное и в том, и в другом случае, что сама проблема потребности дальнейшего расширения хоры у городов археанактидовского Боспора уже назрела, а решать ее иначе чем через амфикинию, Археанактиды не хотели или не могли. В такой ситуации Спарток для достижения своих личных целей вполне мог использовать и недовольство сограждан Археанактидами. Но какие слои населения его поддерживали и насколько активно, решить при состоянии наших источников весьма сложно.

⁶ Серия этих монет с изображением муравья также относится к чеканке Пантикапея. См.: *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 10; *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора VI в. до н. э. — середины IV в. н. э. // *Очерки истории и археологии Боспора*. М., 1992. С. 205, 207. Поэтому использование их для объяснения прихода к власти Спартокидов невозможно. Ср.: *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1985. С. 89.

⁷ *Фролова Н. А.* О проблеме чеканки монет с надписью "АПОА" // *Боспорский сборник*. 1995. № 6. С. 206.

⁸ Впрочем, это могло быть и следствием окончания строительства храма Аполлона, для оплаты строительства которого могли служить эти выпуски.

⁹ *Соколова О. Ю.* Новые находки из Нимфея // *Боспор и античный мир*. Нижний Новгород, 1997. С. 143—146.

Предположение С. Ю. Сапрыкина, что "Спартока поддержала демократическая оппозиция и торгово-ремесленная прослойка, недовольная засильем знатных родов, в частности, Археанактидов"¹⁰ — не более чем предположение, поскольку здесь автор явно оперирует понятиями, свойственными собственно Греции. А там, между прочим, в роли демократической оппозиции выступала именно торгово-ремесленная прослойка, возглавляемая, как правило, представителями знатных родов. Наш же единственный источник, свидетельствующий, как будто, о возможности такой оппозиции, — рассказ Полиэна о поддержке купцами Левкона I (Ρολуαη, VI.9.2), показывает, что поддержка эта была инспирирована самим Левконом, а вовсе не являлась следствием их личной инициативы. Что же касается "знатных родов" на Боспоре, то они могли основывать свое могущество, в отличие от аристократии собственно Греции, не на родственных связях, а на экономическом превосходстве, связанном, в свою очередь, с владением лучшими (может быть, и большими) участками земли и с той же торговлей. Следовательно, по своему сословному статусу они не могли резко противостоять представителям так называемой демократической оппозиции.

Более осторожен в своей оценке сторонников Спартока Ф. В. Шелов-Коведяев. Он называет их "влиятельными греческими слоями" и считает, что они выдвинули Спартока "перед лицом неослабевающей внешней угрозы... когда династия Археанактидов перестала удовлетворять требованиям, предъявляемым к режимам такого рода"¹¹. Однако ни о какой внешней угрозе для Боспора того времени источники ничего не сообщают. Да и отношение "влиятельных греческих слоев" в целом к тирании было таковым, что вряд ли можно было ожидать их объединения с целью создания тиранического режима в своём государстве¹². Скорее наоборот, представители боспорской (т. е. не только греческой) знати в целом могли быть настроены против тирании, но при этом конкретно против тирании Археанактидов, а не против тирании вообще. Спарток же, готовясь к перевороту, в какой-то мере использовал и это недовольство.

В недавно вышедшей статье А. А. Масляничков вновь поднимает вопрос о возможной связи прихода к власти Спартока I с понтийской экспедицией Перикла¹³. Если исходить из заинтересованности Афин в расширении хлебного импорта из Северного Причерноморья после поражения в Египте (454 г. до н. э.) и факта изгнания Периклом синопского тирана Тимесилея во время названной экспедиции, нельзя не признать принципиальную возможность такого явления. Однако надо учитывать, что наш единственный источник об этой экспедиции ни словом, ни намеком не дает оснований думать, что Перикл тогда сделал больше, чем он сделал согласно этому сообщению. И если еще какие-то политические

¹⁰ Сапрыкин С. Ю. Тирания в припонтйских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 90—91.

¹¹ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора. С. 87.

¹² Ср.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 52.

¹³ Масляничков А. А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии и культуры. 1996. № 3. С. 67.

акции афинянами тогда предпринимались, то они либо не были столь значимыми для Афин, чтобы их укоминать, либо, поскольку Плутарх все же писал биографию Перикла, а не историю Афин, эти акции не были связаны напрямую с деятельностью этого политического лидера. Кроме того, мы не имеем точной информации о дате этой экспедиции. Мне представляется наиболее обоснованной ее датировка серединой 30-х годов V в. до н. э., предложенная П. О. Карышковским¹⁴. И если это так, то связывать приход к власти Спартока с происками афинян или их политических противников у нас нет решительно никаких оснований.

Таким образом, остается признать, что политический переворот на Боспоре в 438/7 г. до н. э. был в значительной степени делом личных амбиций одного из претендентов на власть. Косвенным образом в пользу этого свидетельствуют еще два факта.

Во-первых, форма власти — тирания. Подавляющее большинство античных авторов называет Спартокидов тиранами¹⁵. Да и остальные титулы, которыми они их величают (династ, царь), за единственным исключением Демосфена (архонт), не дают оснований сомневаться в авторитарном характере власти Спартокидов, а значит предполагать и их личную заинтересованность в борьбе за нее.

Во-вторых, таким же косвенным аргументом в пользу нашего предположения является сообщение Диодора о времени правления Спартока I и его ближайшем преемнике (ХII.36.1). Из него мы узнаем, что Спарток правил 7 лет, а затем власть принял некий Селевк, правивший и того меньше — всего 4 года. Учтем, что в дальнейшем своем повествовании о Спартокидах Диодор всегда указывает на родственные отношения правителей, сменяющих друг друга. Краткость правления Селевка и отсутствие его имени среди имен последующих правителей Боспора доказывает, что он не принадлежал к династии потомков Спартока I. А значит его появление во главе государства, вероятнее всего, также стало следствием очередного государственного переворота на Боспоре. Терминология Диодора, характеризующая смену боспорских правителей, как уже неоднократно отмечалось многими исследователями¹⁶, дает основания и для такого предположения¹⁷.

Македонское имя Селевка говорит, как будто, против его принадлежности и к Археанактидам. Что же касается его прежнего положения в государстве, то

---

¹⁴ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1960. № 3. С. 78.

¹⁵ Учитывая ионийское происхождение городов Боспора можно думать и об ионийских же традициях в отношении тирании. А в архаической Ионии тирания была предтечей не демократии, а новых тираний или аристократической реакции. Ср.: Лаптева М. Ю. Типология старшей ионийской тирании // ИКДМ М., 1996. С. 63.

¹⁶ Жебелев С. А. Образование Боспорского государства // Северное Причерноморье. М., 1953. С. 166—167; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 54; Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора. М., 1959. С. 43; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 83; Васильев А. Н. Проблемы... С. 12.

¹⁷ Не исключено, что имя "Селевк" у Диодора — следствие ошибки переписчика, и преемником Спартока I был Сатир. Но тогда требуют исправления и даты Диодора, что делать еще рискованнее.

для успешного осуществления переворота он должен был занимать достаточно высокий пост при Спартоке I. может быть, тот самый, который занимал сам Спарток при Архсанактидах, а позднее Сопей при Сатире I. У Диодора не сохранилось упоминаний о смерти Селевка и его преемнике. Но судя по тому, что следующим преемником был Сатир, сын Спартока, вероятно, Селевка сменил Спарток II. Имя последнего позволяет видеть в нем родственника (сына или племянника) Спартока I.

А. А. Синицын

МЕСТО Τύχη В ТРАГЕДИИ СОФОКЛА "ЦАРЬ ЭДИП"

(к проблеме соотношения судьбы-случая и воли героя в греческой драме)

В словаре Софокла насчитывается около десятка различных терминов, которыми античные греки выражали понятие судьбы¹. Одной из определяющих сторон этой философско-эстетической категории в мировоззрении Софокла является понятие τύχη². В различных формах это слово встречается в сохранившихся текстах Софокла свыше пятидесяти раз³. Столь большое количество

¹ О многочисленных терминах, определявших в греческом языке понятие судьбы (μοῖρα, ἀνάγκη, μόρος, πότμος, τύχη, πεπρωμένη, δαίμων, εἰμαρμένη, αἶσα, σπιφορά и др.) см., напр.: Gundel. Heimarmene // RE. 1912. Bd. 7. 2. Sp. 2622—2645; Andres. Daimon // ibid. 1918. Supplbd. 3. Sp. 267—322; Eitrem S. Moira // ibid. 1932. Bd. 15. 2. Sp. 2449 ff.; Greene W. Ch. Moira, Fate, Good and Evil in Greek Thought. Camb. (Mass.), 1944; Herzog-Hauser G. Tyche (I) // RE. Bd. 8 A. 1948. Sp. 1644 ff.; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. 4. Aufl. München, 1988. Bd. 1. S. 216—225, 361—368; Bd. 2. S. 196—218; Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990.

² Несмотря на огромное количество употреблений этого термина в текстах Софокла, специальных исследований, посвященных этой теме, почти не существует. Можно назвать лишь работы общего характера: Meuss H. Tyche bei den attischen Tragikern // Gymnasial-Programm. Hirschberg, 1889 (работа недоступна); Allègre F. Etude sur la déesse grecque Tyché. Paris, 1889; Herzog-Hauser G. Op. cit. Sp. 1654 ff.; Ehrenberg V. Sophokles und Perikles. München, 1956. S. 85—90; Kitto H. D. F. Sophocles: Dramatist and Philosopher. London, 1958. P. 62—64; Nilsson M. P. Op. cit. Bd. 1. S. 755 f.; Bd. 2. S. 201 ff.; Alt K. Schicksal und φύσις im Philoktet des Sophokles // Sophokles / Hrsg. von H. Diller. 2. Aufl. Darmstadt, 1986. S. 412 ff.; Тахо-Годи А. А. Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии // Волн. классич. филол. М., 1971. Вып. 3—4. С. 244 слл.; Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990. С. 307 слл.; Синицын А. А. Фукидид и понятие судьбы-тыче у греков в V веке до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С. 12.

³ Cf.: Ellendt F. Lexicon Sophocleum / Curavit H. Genthe. 2 ed. Lipsiae; Berolini, 1872. Col. 747 sq. (s. v. τύχη).